

себя, время и социум отчетливо обнаруживает себя иронико-трагическая обреченность, неспособность и неготовность — «малость» совр. человека-творца.

Над романом «Радость смерти» К. работал почти 10 лет. Героями «эпопеи <...> о тотальном ужасе российского существования» становятся реальные лица, фамилии которых означены в тексте инициалами: Елизавета С., Георгий М., Славик Ш., Анатолий К. (авторский персонаж) и др., и за этим приемом — не только «документальность», но и элемент типизации, стремление к уподоблению и всеобщности. Смерть — основной мотив романа, состоящего из 9 частей, в каждой из которых смерть красиво, величественно, фантастично, справедливо и неизбежно настигает героев. Обращает на себя внимание «нарушение» гуманистической традиции русской литературы, однако за «холстами» художника прочитывается не «любование» смертью, а скрытая, глубинная тревога за утраченную жизнь. Судьбы героев становятся иллюстрацией к истории страны — от революции и Отечественной войны до сегодняшнего дня, живописными мазками, отразившими в себе угасание «света» и приближение «тьмы». «По сути, весь его роман — это <...> карусель Дантова ада» (А. Королев).

Отличительную особенность творчества К. составляет не только блеск рассказового мастерства, тонкое владение формой, изящество стиля и изысканность манеры, но и глубина постижения человеческой психологии, умение проникнуть в скрытые и сокровенные, потаенные уголки души героя, способность постичь и худож. отразить добро и зло, свет и тьму, духовность и порочность «цельной» личности, детерминированные не столько обстоятельствами внешнего социума, но внутренней природой самого человека.

К. — лауреат премии ж. «Знамя» (1993), СП Москвы «Венец» (2001), выдвигался на «Буккера»-2001 («long-list»).

Проза К. переведена на немецкий, французский, английский, болгарский, польский, чешский, японский, китайский, корейский и др. яз.

Соч.: Семь дней недели. М., 1977; Переход в середине сезона. М., 1978; Через Москву проездом. М., 1981; Повести и рассказы. М., 1988; Вечерний свет. М., 1989; Портрет романтического молодого человека. М., 1991; Записки экстремиста. М., 1993; Радость смерти. М., 2001.

Лит.: Чупринин С. На развороте судьбы: Заметки о прозе А. Курчаткина // Лит. учеба. 1981. № 6; Вирен Г. Предупреждение // Октябрь. 1986. № 11; Иванова Н. Пейзаж после битвы // Знамя. 1993. № 9; Ареносов В., Богдан П. <Курчаткин А. Н.> // Русские писате-

ли XX в.: Биографический словарь / главный ред. П. Николаев. М., 2000; Галантер В. Писатели украсились «венцами» // Вечерняя Москва. 2001. 27 апр.; Королев А. Жизнь инициалов: О радости смерти в прозе Анатолия Курчаткина // Лит. газ. 2001. № 41. 10–16 окт.

О. В. Богданова

КУСИКОВ (настоящая фамилия Кусикян) Александр Борисович [17(29).9.1896, Армавир — 20.7.1977, Париж] — поэт.

По отцовской линии принадлежал к роду хатукаевских армян Кусикьянц — Кусикян — Кусиковых, переселившихся в Армавир между 1828 и 1830 и занимавшихся крупной торговлей. Поскольку мать была черкешенкой, согласно восточной традиции, К. считал себя черкесом. В лит. кругах, как свидетельствует В. Шершеневич, носил «звучную кличку» — Сандро Бейбулат Ку (Шершеневич В. Великолепный очевидец. М., 1990. С. 554). По окончании гимназии с 1915 служил солдатом-кавалеристом Северского драгунского короля Датского полка, во время Февральской революции стал военным комиссаром в Анапе, в том же году перебрался в Москву. В 1919 участвовал в формировании первого советского конного полка в Петровском парке и был назначен командиром

А. Б. Кусиков

отдельного кавалерийского дивизиона. Военную службу оставил в 1921: «Теперь я только поэт, революционер и Александр Кусиков. Белогвардейцев презираю, в РКП членом не числюсь» (**Автобиография** // Новая русская книга. Берлин. 1922. № 3. С. 44).

Печататься начал в 1917, но еще год назад создал 2 романа, обретших широкую популярность: **«Бубенцы»** («Сердце будто забилось пугливо...») и **«Обидно, досадно»** («Две черные розы — эмблемы печали...»). Всего же более 20 стих. К. будут положены на музыку А. Р. и М. Р. Бакалейниковыми и С. Н. Василенко. В сознании мн. современников обличье К. закрепилось как сочетание деталей: галифе, кавалерийские шпоры и гитара через плечо. Первые книги К. — **«Зеркало Аллаха»** (1918) и **«Сумерки»** (1919). Хотя вторая и содержала 4 изд., ее ученический характер (смесь балломантизма с северянщиной) вызвал такую самооценку автора: «Очень плохая и безнадежная книга, от нее отказываюсь и не признаю» (**Автобиография**. С. 43). Зато «Зеркало Аллаха» обозначило главную, плодотворную тему К. — Восток и современность.

Важным для становления К.-поэта стало сближение с Есениным. В 1919 они подают совместное заявление о принятии в члены кружка «Звено» — объединения «поэтов полей и рабочих окраин». Эта черта — чувство связи с «малой родиной» — объединяла их и в Ордене имажинистов, куда К. вошел в том же году. В Ордене сразу обозначились 2 ветви: левая, «западная», и правая, «восточная», русско-патриотическая. «Вадим Шершеневич и Анатолий Мариенгоф, а рядом Сергей Есенин и Александр Кусиков — что может быть нелепее, безобразнее этого сочетания? — писал тогда один из критиков. — С одной стороны урбанисты, футуристы, последователи Маринетти и Маяковского, <...> с другой стороны поэты космоса, <...> идущие от народной легенды, от мифа...» (Львов-Рогачевский В. — С. 46). Силу стихов К., проникнутых чувством родного края, признавали даже его эстетические противники. В. Шершеневич отмечал, что «Сандро хорошо знал арабских поэтов. Знал быт, нравы черкесов», и «восточный акцент» у него естественен» (Шершеневич В. — С. 22). То же выделял и В. Брюсов: «...там, где он касается Востока, ислама, поэт находит верные слова и запоминающиеся образы» (Брюсов В. Среди стихов. М., 1990. С. 533). «Его, как влательный над сознанием гипноз, чаруют и манят картины месяца-пастуха, запрокинувшего свой красный башлык... Облака, за-

шедшие за рассветный плетень синим стадом его буйволиц. Облезлый баран, прыгнувший с крыши. Родные орлы в перекличке. И сладко, и с восточной слезной меланхолией роко-чут его чистые струны...» (Абрамович Н. — С. 15).

Разделяя «органическую философию» Есенина, согласно которой искусство мертво вне национальной специфики, ибо та вызвана природной необходимостью, К. также воспринял и претворил принципы «органического образа». Вопреки тезису гранда имажинистов «стихотворение не органический образ, а только толпа образов» и утверждению, что худож. творчество — «механическая работа, а не органическая, как полагают Есенин и Кусиков» (Шершеневич В. 2x2=5. М., 1920), К. создал мир текучих, хотя и графических четких образов, где абстрактное переходит в предметное, природное в человеческое, зрительное в звуковое и т. д. «Подбитым галчонком клюется / В ресницах скупая слеза»; «В небе облак лохматой дворняжкой / По-собачьему звонко плачет»; «На цыпочках день уходит, / Шепелявит листва в зарю»; «Розовея, впрягались дали / В зарево звонкой дуги...» Воздействие есенинской образности неоспоримо, но она естественна для К. Неспроста его образ «белых яблонь весенние зимы», возникший в 1920, Есенин повторит в 1925: «Даже яблонь весеннюю вьюгу / Я за бедность полей разлибил» («Неуютная жидкая лунность...»).

В стихах 1917–22, вошедших в наиболее представительные сб. лирики К. **«В никуда»** (1920) и **«Птица безымянная»** (1922), поэт отразил и драматический конфликт эпохи. Общественно-политический и нравственный слом, начавшийся в 1917, когда стала рушиться первичная основа жизни, вызывал трагические интонации: «Разве арба проскрипит по Арбату, / Разве душу порадует ржаньем табун?» (**«На Арбате»**, 1919). В книге «Октябрьских поэм» **«Аль-Баррак»** (1923) К. проследил эволюцию своего мироощущения тех лет: сближение с утопическими идеалами революционной эпохи («поэма причащения» **«Коевангелиеран»**, 1918–20), возвращение к родным корням и истокам («поэма прозрения» **«Аль-Кадр»**, 1921), ощущение драматического разлада с идеалом («неизбежная поэма» **«Джюльфикар»**, 1921; «поэма меня» **«Искандер Намэ»**, 1921; «поэма трех ночей» **«Песочные часы»**, 1922) — и итоговый **«Васильковый марш»**, «поэма победного затишья», где на «Наш бог бег. / Сердце наше ба-

рабан» Маяковского («Наш марш», 1918) К. отвечает: «Наш / Марш — / Тишь». Он еще надеется не только выйти из кризиса, но и гармонически согласовать два начала, живущих в его душе: «Есть у меня и родина Кубань, / Есть и отчизна вздыбленная Русь»; «Полумесяц и Крест, / Две молитвы, / Два Сердца, / (Только мне — никому не дано)! / В моей душе христианского иноверца / Два Солнца, / А в небе одно». Поэт «с мечом на бедре и с крестом на груди» пытается примирить христианство с мусульманством, соединяя Евангелие и Коран в самом названии поэмы: «Коевангелиеран». «Здесь полумесяц объемлет крест подобно тому, как объемлет кресты многих старинных московских церквей» (Григорьев С.— С. 26). Мечта поэта оказалась несбыточной.

В 1921 по командировке Наркомпроса и при поддержке А. В. Луначарского К. был направлен в Берлин для работы в газ. «Накануне» с целью установления контактов эмигрировавшей интеллигенции с Советской Россией. С 1925 жил в Париже. Присылаемые им письма дышали острой тоской по родине. После гибели Есенина, в 1926, К. совсем отходит от лит. деятельности, и из дальнейшей его судьбе почти ничего не известно. В СССР не переиздавался до 1987, когда его знаменитые «Бубенцы» и «Обидно, досадно...» были включены в сб. «В Политехническом „Вечер новой поэзии“».

Соч.: Поэма поэм. [Б. м.], 1920; В никуда. 3-е изд. Берлин, 1922; Птица безымянная: Избранные стихи. 1917–1921. Берлин, 1922; Аль-Баррак: Октябрьские поэмы. 2-е изд., доп. Берлин; М., 1923; Рябка. Берлин, [1923]; «Птица безымянная» и из книги стихов «В никуда» // Новый ж. СПб. 1995. № 1.

Лит.: Шершеневич В. Кому я жму руку. [М.], [1920]; Абрамович Н. Современная лирика: Клюев, Кусиков, Ивнев, Шершеневич. [М.], [1921]; Григорьев С. Пророки и предтечи последнего завета; Имажинисты Есенин, Кусиков, Мариенгоф. [М.], [1921]; Ивнев Р. Четыре выстрела в Есенина, Кусикова, Мариенгофа, Шершеневича. [М.], [1921]; Львов-Рогачевский В. Имажинизм и его образности: Есенин, Кусиков, Мариенгоф, Шершеневич. [М.], 1921; Савченко Т. Я ушел, чтобы снова возвратиться... // Дон. 1990. № 7. С. 168–170; Филиппов Г. Возвращение безымянной птицы // Новый ж. СПб. 1995. № 1. С. 76–78.

Г. В. Филиппов

КУТИЛОВ Аркадий (настоящее имя Адий) Павлович [30.5.1940, д. Рысьи Иркутской обл.— лето 1985, Омск, точное место захоронения неизвестно] — поэт, прозаик.

В основе фамилии писателя лежат древнерусские прозвища «кутила», «кутько», связанные с глаголом «кутить», который в применении к человеку означал «мотыжничать, пьянствовать, жить очертя голову, отчаянно проказить, пить, буянить» (Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь фамилий. Нижний Новгород, 1997. С. 455). «Кутила» в словаре Даля означает «отчаянный пьяница, буян, развратник». Для К. это стало своеобразным приговором, так как мотив мятежа, хаоса и разгула прошел через всю его жизнь, оставляя от нее одно пепелище. Родители назвали своего младшего сына редким именем Адий, но К. позже выбрал для творческого псевдонима схожее имя Аркадий. Иркутский период жизни семьи был недолгим. Вскоре после войны мать К., похоронив мужа, вернулась с двумя сыновьями на свою родину в село Бражниково Колосовского р-на Омской обл., где и прошли детство и юность К.

По своему собственному признанию, писать стихи К. начал «поздно», лет с 17. До того момента начинающий поэт всерьез увлекался живописью. Начиная К. с «таежной лирики». В ней главенствуют яркие и запоминающиеся образы «первопечатлений» (недаром название «Первоцвет» встречается у К. в ранних рукописных сб.): «Над рекой стоят, как свечки, / две сосны и десять пихт... / Отраженья в синей речке / передразнивает их» («Двенадцать»); «рубиновыми гроздьями боярка / кричит из голубого сосняка» («Боярка»). Здесь «одушевленное и неодушевленное причудливо и гармонично сочетаются» (Великосельский Г.— С. 7): «Имена, как цветы на полянке ... / В темных чащах — таинственный фет, / на озерах — кувшинки-бианки. <...> Иван-чай, паустовский да мак / Подорожник, ромашка да пришвин» («Книга Жизни — мой цвет-первоцвет!»).

В ранней лирике так же выделяется охотничья тема, правда, целиком рожденная воображением автора и навеянная рассказами односельчан («Освистали рябчики весной / громовой дебют моей двустволки»), к тому же призывающая «не убий!»: «Ружье отгремело, / остыли стволы... / Подранок нелепо / рисует углы...» («И тихонько сижу...»)

В начале 1960-х К. проходил армейскую службу в Смоленске и вошел там в лит. круг: сблизился с местным лит. объединением, участвовал в семинаре молодых писателей, заслужил высокую оценку А. Т. Твардовского. К. сделался чрезвычайно популярным в лит. и читательских кругах города, его стихи охотно печатали областные и армейские газ.; он стал автором гимна Смоленска. Будущее